О предмете психологии
(Доклад на заседании Московского отделения Общества психологов 23 ноября 1970 г.)

П.Я. ГАЛЬПЕРИН

«Вопросы психологии», 2002, N 5. С.4-13.

Публикация представляет собой выдержки из доклада, сделанного. П.Я. Гальпериным на заседании Московского отделения Общества психологов. Тема доклада, взятого из архива, посвящена предмету психологии.

Ключевые слова: предмет психологии, психологическая теория, психическая деятельность, психика, ориентировочная деятельность, психологический механизм, метод поэтапного формирования.

Данная работа взята из архива П.Я.Гальперина. Она представляет собой стенограмму доклада, сделанного П.Я. Гальпериным на заседании Московского отделения Общества психологов. Обращает на себя внимание форма изложения: длинные предложения с большим количеством причастных и деепричастных оборотов, сложные конструкции, повторы. Все это свидетельствует о незаконченности работы, так как отточенность стиля — одна из характерных особенностей трудов П.Я. Гальперина. Несмотря на незавершенность статьи, в ней встречаются точные формулировки, меткие замечания, оригинальные переходы от одной мысли к другой.

*Доклад П.Я. Гальперина имеет историко-теоретическую ценность, поскольку позволяет проследить **историю** становления психологических взглядов создателя оригинальной психологической концепции. Как известно, монография «Введение в психологию» увидела свет в 1976 г. и явилась закономерным итогом **многолетних** теоретических изысканий и экспериментальных исследований автора.*

Мы публикуем выдержки из доклада, которые, на наш взгляд, способствуют в силу своеобразия формулировок лучшему пониманию принципиальных положений психологической теории П.Я.Гальперина. В текст внесены небольшие стилистические уточнения, не затрагивающие его содержания и носящие исключительно литературный характер.

Вопрос о предмете психологии находится по разным основаниям в глубоком пренебрежении у нас и за рубежом.

За рубежом источники такого отношения ясны и заключаются в следующем. Там этот вопрос считается, во-первых, теоретически безнадежным, и, во-вторых — ненужным, бесполезным. Безнадежным он считается потому, что начиная с XVII столетия и до настоящего времени единственным представлением о психике было ее субъективно-идеалистическое понимание <...>, которое мы получаем на основе самонаблюдения. <...> Анализ данных самонаблюдения неизбежно ведет к мысли о том, что психическое принципиально замкнуто и принципиально субъективно.

Бихевиоризм, который выдвинул другое определение предмета психологии, как это хорошо отмечал С.Л. Рубинштейн, исходит из такого же понимания психики и отвергает ее именно на этом основании, но тем самым он психологически выхолащивает поведение и теряет возможность отграничить его от поведения электрона. Вместо поведения [он] получает движение, которое в принципе нельзя отличить от движения любых других тел или действия какого-нибудь технического устройства.

К этому прибавляются некоторые факторы. В период открытого кризиса психологии — приблизительно с 1910 по 1936 г. — возникли большие надежды на изменение положения в психологии, в частности, на новое понимание ее предмета. Эти надежды не оправдались и сменились тяжелым разочарованием. Нового понимания предмета психологии и принципиально новых возможностей его исследования не получилось. Поэтому и на сегодня сохраняются, доживают эти два понимания явления сознания, с одной стороны, и поведения в бихевиористическом смысле слова — с другой. К этому присоединяется еще то обстоятельство, на которое, оказывается, указывал еще В.И. Ленин где-то в 1908—1910 гг. в статье, которая так и называлась — «Нелюбовь англичан к теории». В статье речь шла об этой нелюбви в связи с теорией профсоюзного движения. Но эта нелюбовь англичан к теории сейчас распространилась и на психологию. На фоне принципиальных неудач она стала господствующим настроением в зарубежной психологии вообще, в чем мы могли убедиться, когда были на Лондонском конгрессе, который с самого начала был организован по принципу отрицания какой-нибудь не только теории, но и схемы строения этого конгресса.

И, наконец, эта наивная уверенность, что математика без всякой теории сумеет выделить из грубых материалов экспериментов значащие отношения, закономерности. Значит, можно построить психологическую теорию, рассчитывая только на помощь математики, и как они говорят, без всякой предвзятой психологической концепции... В буржуазной психологии сложилось такое понимание предмета, которое позволяет Ж. Пиаже начать свою «Психологию интеллекта» с фразы о том, что всякое психологическое объяснение заканчивается уходом или в физиологию или в логику. Есть и промежуточная ступень — социология, но, по его мнению, социология сама раскладывается тоже на физиологию или логику, так что в конце концов остаются две эти крайности — физиология и логика. Эта схема намечена еще О. Контом и, как видите, она стала настолько привычной, что такое положение не режет слух ни самому Ж. Пиаже, ни его слушателям на Западе. Между тем я бы сказал, что это скандальное положение...

Совсем другое понимание у нас, в советской психологии, но другими путями оно приводит к такому же пренебрежительному отношению к этому вопросу... Когда говоришь современным советским психологам, даже не самым молодым, скажем среднего возраста, о трудностях преодоления субъективно-идеалистического понимания психики, рождающегося из представления о том, что она открывается только в самонаблюдении, то им эти трудности кажутся чем-то вроде сказок про бабу-ягу: ужасно страшно на словах и совершенно не страшно на деле. Философские основания субъективизма давно отброшены. Значит, есть трезвые разумные основания, создаваемые естественно-научным подходом...

Советским психологам представляется, что предмет исследования — это нечто несомненное. Ведь несомненно, что есть процессы мышления, потребности в их психологическом значении, чувства, волевые процессы, — это же бесспорный факт. Ну, а раз эти факты есть, и есть хорошо обоснованный тыл философских позиций, то остается работать в этой конкретной области. Отсюда и рождается пренебрежение к теоретическому вопросу о предмете психологии. Зачем говорить о предмете вообще, когда есть реальные предметы, реальные процессы и нужно только без лишних разговоров приступить к их исследованию?!

Но есть объективные симптомы того, что такое понимание недостаточно, и эта недостаточность не проходит бесследно для наших психологов. *Одним из таких симптомов являются постоянные споры между психологами* и представителями смежных дисциплин, особенно теми,

которые вырываются сегодня на передний план, ну, скажем, физиологией, с одной стороны, и логикой — с другой; современное положение — это споры с кибернетикой и т.д. Другой вопрос — гораздо более острый, настоятельный, и не общий, а дающий себя знать в каждом отдельном исследовании — это вопрос о том, что, если мы не хотим принципиально ограничиться в своем исследовании только описанием изучаемого явления, то мы должны искать его механизмы. Где же мы будем *искать механизмы психологических явлений*? Большинство людей и сегодня полагают, что — или в физиологии, или опять-таки в логике, кибернетике и т.д.

Но тогда нет психологии как самостоятельной науки. Наука не изучает явления, наука изучает то, что лежит за явлениями, что составляет причину этих явлений, что составляет истинные процессы, а не смену явлений. Если психология самостоятельная наука, она должна указывать не только круг изучаемых ею явлений, но и те процессы, которые лежат за ними и составляют подлинную действительность психической жизни. Но где же они, если не в физиологии и не в логике? От ответа на этот вопрос зависит, на что мы ориентируем свое исследование. Посмотрите, сколько психологов с лучшими намерениями найти действительные механизмы психологических явлений уходят в физиологию, в логику, в кибернетику, будучи уверены, что в психологии собственных механизмов нет.

Постараемся же найти или по меньшей мере наметить выход из этого положения. Ход рассуждения я строю таким образом. Принципиальным источником трудностей в психологии до сих пор является именно субъективно-идеалистическое ее понимание. Оно получило завуалированное выражение в, казалось бы, простом указании на то, где находятся психологические явления и процессы... Если в течение более 300 лет люди не могли найти выход из субъективности в психологии, то дело не в том, что у них не хватало интеллекта для этого, а в том, что у них были ложные исходные принципиальные посылки, которые роковым образом замыкали их в таком понимании предмета.

Поэтому мы должны оставить вообще этот путь... Я бы выделил два важных для нас положения В.И. Ленина.

Одно из них — это учение В. И. Ленина о том, что составляет предмет отдельной науки...

Любой объект, любое явление неисчерпаемо многосторонне, и каждая наука выбирает себе одну его сторону. Это простое положение В.И. Ленина сразу объясняет нам, почему несостоятельны указания на явления сознания или поведение как предмет психологии. Это — именно реальные явления, реальные процессы, у которых есть неограниченное количество сторон и которые могут изучаться таким же количеством наук. Вопрос заключается в том, чтб должна изучать в них психология, чтб есть психологического в поведении, в явлениях сознания, потому что в явлениях сознания много непсихологического, о чем говорили старые авторы, мастера самонаблюдения.

Что собственно психологического есть в процессе мышления, процессе принятия решения и во всяких других так называемых психологических процессах? Ведь они изучаются не только психологией. Нечто психологическое, что в них, может быть, и есть, — не выделено. Предмет науки, отдельной науки не указан, не отграничен, и когда мы в качестве психологов подходим к нему, то не знаем, за какую сторону взяться, и, естественно, беремся за ту, в отношении которой имеется наибольшая подготовка, с позиций обычно более установившихся наук, имеющих более прочные традиции и, кстати, смежных с психологией. Вот почему мы имеем все шансы соскользнуть с предмета психологии на предмет смежных наук, что обычно и происходит...

Второе положение В. И. Ленина служит для нас путеводной нитью в указании на то, что же такое собственно психологическое. Это всем хорошо известное, всюду цитируемое положение (много раз повторяемое в «Материализме и эмпириокритицизме») о том, что характерная, отличительная особенность психики — наличие субъективного образа объективного мира. Раз

мы хотим сделать это положение руководством на пути уточнения предмета психологии, то мы должны специально разобрать его основные моменты.

Во-первых, субъективный образ. Я хочу подчеркнуть, что «субъективный» в буржуазной психологии и в марксистской имеет совершенно разное значение.

В буржуазной психологии «субъективное» — это замкнутое в границах индивидуального сознания, куда вы не можете проникнуть иначе как самонаблюдением каждого отдельного человека про себя.

В марксистской философии «субъективное» имеет абсолютно другой смысл... Субъективный — это фактор субъектный, вполне объективный, хотя и не абсолютно, а относительно объективный, как всякое познание.

Во-вторых, субъективный образ объективного мира. Объективный мир слишком широк, в него входят и мозг, и его физиологические процессы... В образе представлены не просто вещи объективного мира, но вещи внешней среды субъекта, внешней среды организма субъекта, внешней среды, а не самого мозга. Кстати говоря, вам, вероятно, известно, что мозг сам нечувствителен, все очень чувствительно вокруг него, но когда вы добираетесь до него самого, то ведь можно производить операции под местной анестезией на мозге, разговаривать с больным, и он не чувствует никаких неприятностей, если вы не нарушаете его сенсорные и эффекторные пути. Мозг себя не чувствует. Мозг отображает внешнее поле действия субъекта.

<...> Под образом у нас очень часто имеется в виду образ какой-то вещи, которая перед нами выступает, но очень важно подчеркнуть, что образ вещи всегда выступает на каком-то фоне. Если вы даже представите себе такую абстрактную, экспериментальную ситуацию, когда в темной комнате на экран отбрасывается тонким лучом светлое пятно, так это пятно испытуемый видит где-то перед собою, окруженное темным фоном. В обычных условиях это — более или менее освещенное и более или менее дифференцированное по своему содержанию поле. И это очень важно. Образ никогда не есть образ единичного предмета, тем более единичного свойства, а всегда образ поля, открывающегося перед субъектом. Значит, можно было бы так сформулировать: образ — это не только изолированная какая-то вещь в пустоте без измерений, это всегда поле — поле процессов, которые развертываются перед субъектом, или поле его собственных возможных или актуальных действий. Наличие такого поля свидетельствует о деятельности, производящей это развертывание. Образ есть явление субъекту поля его возможных действий. Дело в том, что поле не просто существует перед субъектом — оно является ему, открывается. Образ, собственно, и обозначает это явление поля возможных действий данному и актуально действующему субъекту.

<...>

В поле образов, которое развертывается перед субъектом, субъект с самого начала производит разные действия: рассматривание объектов, определение их соотношений, сравнение их между собой, прослеживание их движений и даже экстраполяция этих движений. Вы знаете, что Крушинский открыл экстраполяционный рефлекс: животное прослеживает, точкой внимания прослеживает путь, который объект не совершил, но который он должен совершить, и руководствуясь этим только намечаемым путем, оно совершает обходной путь и ожидает добычу там, где она только должна появиться. Все эти... действия хотя имеют предметное содержание, осуществляются тоже в поле образов... как идеальные действия. Заключение, к которому мы приходим, состоит в том, что идеальная деятельность в поле образа, т.е. в идеальном поле, — это и есть психическая деятельность. Таким образом мы получаем возможность по-новому определить, что такое психика.

Это определение освобождает нас от прежней связанности с показаниями самонаблюдения... Оказывается, что самонаблюдение есть частный случай этого поля, именно того поля, которое

открывается при самонаблюдении. Конечно, оно имеет место только у человека, обладает некоторыми специфическими особенностями и поэтому не может быть основанием для общего определения психики. Наоборот, предложенное определение психики охватывает и это поле как свой частный случай. Преимущество такого определения заключается в том, что оно нас освобождает от узости, от этой связанности самонаблюдением и всем, что отсюда следует. <...>

Кое-что мы таким образом уже получаем. Это, конечно, еще недостаточно для конкретной работы в психологии, потому что форм психической деятельности неограниченно много. И мы не имеем путеводной нити к тому, чтобы разобраться в этом многообразии...

Поэтому первая задача заключается в том, чтобы из всего этого многообразия выделить какое-то ведущее начало, за которое можно бы было приняться.<...>

Следует выделить ту основную форму психической деятельности, по отношению к которой все остальные являются в каком-то отношении производными и обслуживающими, хотя это нисколько не отрицает возможности их очень большого значения и обратного влияния и т.д.

Прежде чем что-то переживать, размышлять о высоких материях, воображать и т.д., нужно сориентироваться в проблемной ситуации, требующей действия, и далее руководить им, т.е. ориентировать выполнение этого действия. А потом уже, когда вы с этим справитесь и получите заслуженный перерыв в своей работе, тогда можете заниматься и всем другим. Поэтому мне кажется, что мы можем выделить в качестве основной, определяющей именно деятельность по ориентировке субъекта в проблемных ситуациях, т.е. в ситуациях, требующих от него каких-то ответственных шагов. Последнее нужно потому, что вы можете хорошо сориентироваться, но если вы плохо выполните то, что вы правильно наметили, из этого тоже не получится большого толка. К этому присоединяется и то обстоятельство, что всякая деятельность, перенесенная в идеальный план, по отношению к той же самой, но материальной деятельности имеет значение только ориентировки в этой материальной деятельности. В конечном, но только в конечном, счете всякая психическая деятельность — это деятельность в идеальном плане, а идеальная деятельность по отношению к реальной материальной является деятельностью ориентировочной. Но это в конечном счете, а ближайшим образом есть особая задача ориентироваться в ситуации и ориентировать дальше исполнение действия. Это и есть основная психическая деятельность, и с нее мы должны начать свое исследование.

С одной стороны, я хотел бы подчеркнуть, что выделением ориентировочной деятельности как одной из самых основных, а в психической деятельности — основной формы деятельности, мы обязаны И.П. Павлову. В своем учении об ориентировочно-исследовательском рефлексе он указал на то, что среди прочих рефлексов, которые он называл деловыми (очень хорошее название — деловые рефлексы), есть рефлекс «что такое?». Он говорил, что этот рефлекс является одним из самых древних, самых основных рефлексов, без которых жизнь животных была бы невозможна. У И.П. Павлова встречаются разные выражения: он называет этот рефлекс ориентировочным, ориентировочно-исследовательским, просто исследовательским, рефлексом «что такое?»; утвердилось обозначение его как ориентировочно-исследовательского рефлекса. Правда, есть неудобство, связанное с тем, что здесь явно соединяются психологический и физиологический моменты.

Как вы знаете, многие ученики И.П. Павлова считают, что нужно различать ориентировочный рефлекс в собственном смысле, который заключается в физических и физиологических изменениях, настраивающих на лучшее восприятие определенного раздражителя, и собственно ориентировочно-исследовательскую деятельность, которая состоит в анализе окружающей среды, выделении в ней существенных моментов и т.д.

Но сейчас такая ориентировочно-исследовательская деятельность не устраивает потому, что она суживает процессы ориентировки только до познавательных процессов, между тем как они — уже очень высокая специализация. А первоначальная форма такой специализации не имеет.

Ориентировка — понятие гораздо более широкое. Разве чувства — это не форма ориентировки, когда в неопределенной сначала ситуации какие-то объекты получают значение, которого они не имели, другие его лишаются, меняется и вся картина окружающего мира и вообще поведение человека в этой ситуации. Ведь это же мощное средство ориентировки в особого рода ситуациях. Точно так же и волевые процессы суть особая форма ориентировки в ситуации, когда ни одного разума, ни одного чувства недостаточно для решения того, как следует поступать. Все это разные формы ориентировки, связанные с разным характером задач и разными способами их решения. Характеристика ориентировочной деятельности распространяется на все формы психической деятельности человека и животного. Это с одной стороны.

С другой стороны, ориентировочная деятельность имеет свои подразделения, не совпадающие с делением на так называемые психические функции. Это деление по тем основным задачам, которые решаются в процессе ориентировки: сначала нужно разобраться в ситуации, которая возникает перед вами, — это построение образа действительного положения вещей так, как он представляется действительным для данного субъекта, затем определение значения отдельных элементов в этой ситуации, далее наметка плана или пути возможного действия среди вещей и, наконец, регуляция исполнения, которая, в свою очередь, имеет элементы контроля и коррекции. Это регуляция не только исполнения, но и — в связи с исполнением самого плана — самой оценки отдельных составляющих и даже представления о ситуации, потому что, когда вы начинаете действовать, то все может оказаться не таким, как вы представляли себе в начале деятельности. Конечно, эти отдельные задачи могут разрастаться в громадные, совершенно самостоятельные области. Ну, скажем, познание. И.П. Павлов очень хорошо говорил, что собственно наука в ее многоразличных ответвлениях есть способ ориентировки человека в широком мире... Для решения задач науки каждый человек снова сталкивается с тем, как сориентироваться в проблеме, которая встречается, выделить ее значащие элементы, наметить план своих действий и т.д. Значит, прежнее основное содержание этой деятельности повторяется и здесь.

Теперь кое-какие выводы из этого положения. Ориентировочная часть любого действия (значит, мы возьмем ее в абстракции от каждого отдельного действия, выделим ориентировку как особый предмет нашего изучения и будем говорить в этом смысле «ориентировочная деятельность») есть существенная, управляющая инстанция поведения. Под поведением мы будем понимать реально осуществляемый процесс на основе этой ориентировки. И такое понимание в этих теоретических выводах сразу приводит нас к результатам экспериментальных исследований поведения как животных, так и человека. Я не буду подробно рассказывать об этих результатах — это слишком далеко увело бы нас в сторону, я подчеркну только исследование ориентировочной деятельности и его значение в формировании, как говорил И.П. Павлов, деловых форм поведения сначала у животных.

И.П. Павлов отмечал, что сначала всегда развертывается ориентировочный рефлекс. Иванов-Смоленский добавил, что сначала он приобретает черты условности, т.е. специальные характеристики, для данной ситуации, вслед за этим начинает устанавливаться и условный рефлекс делового порядка. По мере того как он устанавливается и закрепляется, а это связано с его автоматизацией, ориентировочная часть начинает угасать. Это констатировал еще И.П. Павлов. Но если в ситуации возникает что-то новое, то, наоборот, деловая, исполнительная часть задерживается и снова развертывается ориентировочная деятельность. Эти положения И.П. Павлова были потом подтверждены исследованием формирования навыков у животных как в школе Павлова, так и в американском необихевиоризме. <...>

Наиболее значительные результаты были получены в исследованиях ориентировочной деятельности при формировании двигательных навыков, вообще произвольных движений, в сенсорных различительных умениях всякого рода, которые проводились А.В. Запорожцем и его многочисленными сотрудниками, Д.Б. Элькониным — в отношении звукоразличения. Они получены также мною в систематическом исследовании по формированию так называемых умственных действий и всякого рода действий в идеальном плане, не обязательно внутренних в

умственном плане, но и в плане восприятия, во внешнем плане и особенно в речевом плане. Я не буду останавливаться на этих вещах, они достаточно известны. Подчеркну только общие результаты этих исследований на человеке.

Они заключаются в том, что, помимо перехода от развернутой внешней ориентировочной деятельности к сокращенной, а от нее — к деятельности «про себя», мы наблюдаем очень важные моменты. Когда эта деятельность уходит внутрь, то она становится внутренним психологическим механизмом поведения, которое может оставаться вовне, как в произвольных движениях и т.д. Затем, когда мы проследили это на человеке, мы видели, как эта деятельность, сначала предметная, развернутая, материальная, многократно меняет свой внешний вид, свою природу, потому что от вещей мы переходим к представлениям о вещах, к словесному описанию этих вещей, от них — к знаковым системам, выражающим те же самые отношения. Все это переносится в идеальный внутренний или в идеальный внешний план и здесь сокращается настолько, что в конечном виде делается совершенно неузнаваемым, не похожим на свой первоначальный материальный прообраз.

В этом отношении великолепны демонстративные опыты В.П. Зинченко, которые он делал еще под руководством А.В. Запорожца, а именно опыты с прослеживанием пути в, лабиринте, которое производилось сначала рукой в сопровождении глаза, потом одним только взором, а потом этот взор начинал вдруг вести себя неположенным образом. Вместо того чтобы проходить этот путь по лабиринту, он вдруг начинал сокращать этот путь, двигаться через перегородки, что, конечно, «не положено», и, наконец, прямиком от начала к конечной кормовой, условно, камере двигался. В таком прямолинейном движении уже, конечно, ничего подобного первоначальному пути в лабиринте не было. Но если в лабиринте появлялось какое-нибудь отклонение, то испытуемый сразу спохватывался, возвращался к нарушенному участку и восстанавливал положение вещей. Вообще, хотя испытуемый шел так, как не идут в лабиринте, на самом деле весь путь лабиринта продолжал учитываться.

То, что мы находим в самонаблюдении или даже иногда во внешнем наблюдении, как в опытах В.П. Зинченко, что выступает на конечном этапе как собственно психическая деятельность, есть продукт многочисленных трансформаций, которые претерпевает первоначально развернутая предметная ориентировочная деятельность.

Это, во-первых, очень важное разоблачение того, что такое на самом деле психическая деятельность, хотя как таковая она представляется совершенно не похожей на свой материальный прообраз.

Во-вторых, в опытах на животных, и особенно ясно в опытах на человеке, выяснилось, что успешность основной деловой деятельности целиком зависит от организации ориентировочной деятельности. Чем лучше она организуется, тем скорее и высоко качественнее деловая активность. При этом в данном случае нужно иметь в виду два момента.

Первый момент. Можно жестко организовать эту ориентировочную деятельность, но до тех пор, пока она носит этот внешний и внешне контролируемый характер. Когда она уходит внутрь, там мы, на первый взгляд, лишаемся возможности руководить ею. Поэтому второй момент зависит от того, насколько мы можем управлять процессом усвоения этой первоначально внешней ориентировочной деятельности.

Значит, есть два момента, которые в сущности совпадают: первоначальная организация ориентировочной деятельности и ее сохранение в процессе усвоения.

Из сказанного следует несколько заключений. Опыты на животных, и особенно на человеке показали, что *ориентировочная деятельность имеет сложное строение*. Чтобы удовлетворять системе заранее построенных требований, а это мы и делаем при управляемом формировании, в структуру такой ориентировочной деятельности должны входить следующие элементы. Прежде

всего это схема объекта, который должен быть получен в заключение деятельности, с его конечными показателями. Если объект очень сложен, и его видимая структура не совпадает и даже противоречит порядку действия с ним, то необходима еще одна схема, которую можно назвать оперативной, позволяющей ориентироваться так, как нам нужно на данный момент. <...> Дальше идет то, что мы называем ориентировочной основой действия. Она сама состоит из семи разделов, каждый из которых может разрастатьея то больше, то меньше, но тоже представляет собой сложное образование. Затем идет схема управления процессом усвоения. Она предполагает первоначальную исходную форму, в которой должны быть даны эти схемы для успешного использования субъектом, первоначальную форму самого действия субъекта, контроля за этим действием, возможных коррекций и т.д. Я хотел бы подчеркнуть, что структура ориентировочной деятельности — очень сложная. Мы раньше не предполагали, что она такая сложная. И должен вам сказать, что чем больше работаем, тем больше разворачивается ее подлинное содержание. Учтите, что мы пока что исследовали только ориентировочную структуру отдельного уже намеченного, принятого к исполнению действия... И от того, как сложится эта структура, — а она может сложиться по-разному, особенно при незнании этой структуры с практически стихийным ее формированием, — зависит успешность не только самой ориентировочной деятельности, но и поведения в целом. И когда ориентировочная деятельность переходит во внутренний план, она составляет психологические механизмы управления поведением.

Теперь я перехожу к ответу на основной вопрос.

Структура ориентировочной деятельности, которая есть не что иное как деятельность в плане образов, выполняемая с помощью идеальных действий в идеальном плане, структура (не просто сама эта деятельность) этой деятельности — есть подлинный предмет психологии. Как вы видите, структура — это вещь, которую приходится выявлять, находить, устанавливать. *Это не явление*, это, можно сказать, сущность, да еще глубоко скрытая сущность. Поэтому исследование этой структуры — не простое наблюдение того, как протекает ориентировочная деятельность. Это настоящее вгрызание в скрытые пласты психологической деятельности и выявление ее скрытых законов. Но для нас важно одно: если мы принимаем, пусть условно, это самое положение, тогда мы получаем возможность ответить на вопрос, на который раньше просто не могли ответить. Я вас спрашивал: где, если не в физиологии и в логике, еще искать механизмы психологических явлений? Теперь мы можем сказать, что должны их искать в этом особом образовании, в структуре ориентировочной деятельности. Я хотел бы сказать, особенно молодым людям, что они должны обрести какую-то уверенность в том, что им как исследователям в области психологии теперь уже нет безусловной необходимости отправляться в какие-то чужие области, чтобы там выискивать психологические механизмы для психологических явлений. Сама психологическая действительность содержит в себе те самые механизмы, которые должны быть выявлены. Психическая деятельность имеет собственные психологические механизмы, и именно поэтому психология действительно представляет собой самостоятельную науку.

Теперь *два слова о методе*, который кратко уже намечался. Если мы возьмем уже сложившийся психический процесс, то в нем именно по принципам этого многократного перекодирования и сокращения уже ничего обнаружить не можем. Значит, единственный путь для обнаружения нового механизма новых психологических процессов заключается в том, чтобы проследить их формирование, причем обязательно с заданными свойствами. Если вы не поставите перед собой этого ограничения, не просто формирования, а с заданными свойствами, — то у вас не будет необходимости подыскивать систему таких условий, которые обеспечивают приобретение заданных свойств. И только тогда, когда вы установите эту систему условий, вы установите и жесткую закономерность между образованиями известных свойств действия и его условиями. Это — одна сторона дела.

Другая заключается в том, что этот процесс вы можете исследовать, только идя от внешней материальной формы той же ориентировочной деятельности путем постепенного, как мы

выражаемся, поэтапного (другое дело, с какой скоростью) переноса в идеальный план, в план восприятия или план умственный и систематических изменений. Если мы действуем таким образом, то каждый шаг обусловлен определенной системой условий и поэтому контролируется по объективно получаемым результатам. Следовательно, такой метод является методом объективным, потому что все его решающие обстоятельства имеют совершенно объективный характер, на всех ступенях. И еще в отношении этого метода следует подчеркнуть, что вы можете изучать эту скрытую структуру ориентировочной деятельности только в процессе ее формирования, а, следовательно, изучение психических процессов есть вместе с тем и овладение этими процессами.

Кратко повторю основные результаты. Предмет психологии составляют не явления сознания и не явления поведения и вообще не только явления тех или других процессов. Предмет психологии составляет структура ориентировочной части всякой деятельности, как материальной, так и идеальной. Структура этой ориентировочной части конкретного действия есть объективное образование и вместе с тем психологический механизм этого действия или этой деятельности. Метод поэтапного формирования конкретных видов деятельности с заданными показателями есть объективный метод исследования как этого поведения в целом, так и его ориентировочной части, его психологических механизмов. И подобно всякому научному методу, такое изучение психологических механизмов поведения *есть вместе с тем и реальное овладение этим поведением*.

Подготовлена к печати
М.А. Степановой

P.S. *Несколько заключительных слов от М.А. Степановой.*

Честно говоря, мы — и редакция журнала и я — испытывали сильные колебания: а стоит ли публиковать материал, который во многом повторяет «Введение в психологию» — маленькую книгу о большой психологии. Однако памятуя о своем личном опыте постижения теории П.Я. Гальперина, решили, что все-таки стоит. «Введение...» написано лаконично и строго, за простотой формы скрывается глубокое содержание. Мы предположили, что прозвучавшие в докладе пространные рассуждения, повторяющиеся выводы, а также отсутствующие в письменной речи эмоциональные обращения к слушателям помогут не только лучше разобраться в стройной и обоснованной системе взглядов П.Я. Гальперина, но — что самое главное — найти основания для ее применения как в профессиональной, так и в личной жизни. А если это так, то значит, наконец, сбываются слова создателя теории поэтапного формирования:

Психика возникла не для того, чтобы служить предметом исследования или любования. Она служит жизни, соками которой питается.

И мы обращаемся к ее исследованию не ради ее красоты, а для того, чтобы помочь ей выполнить свою функцию, которую она, дитя природы, уже не может успешно и в массовом масштабе выполнить в искусственной среде человеческой культуры. Человек уже издавна приходил ей на помощь, но делал это стихийно [личный архив П.Я.Гальперина].